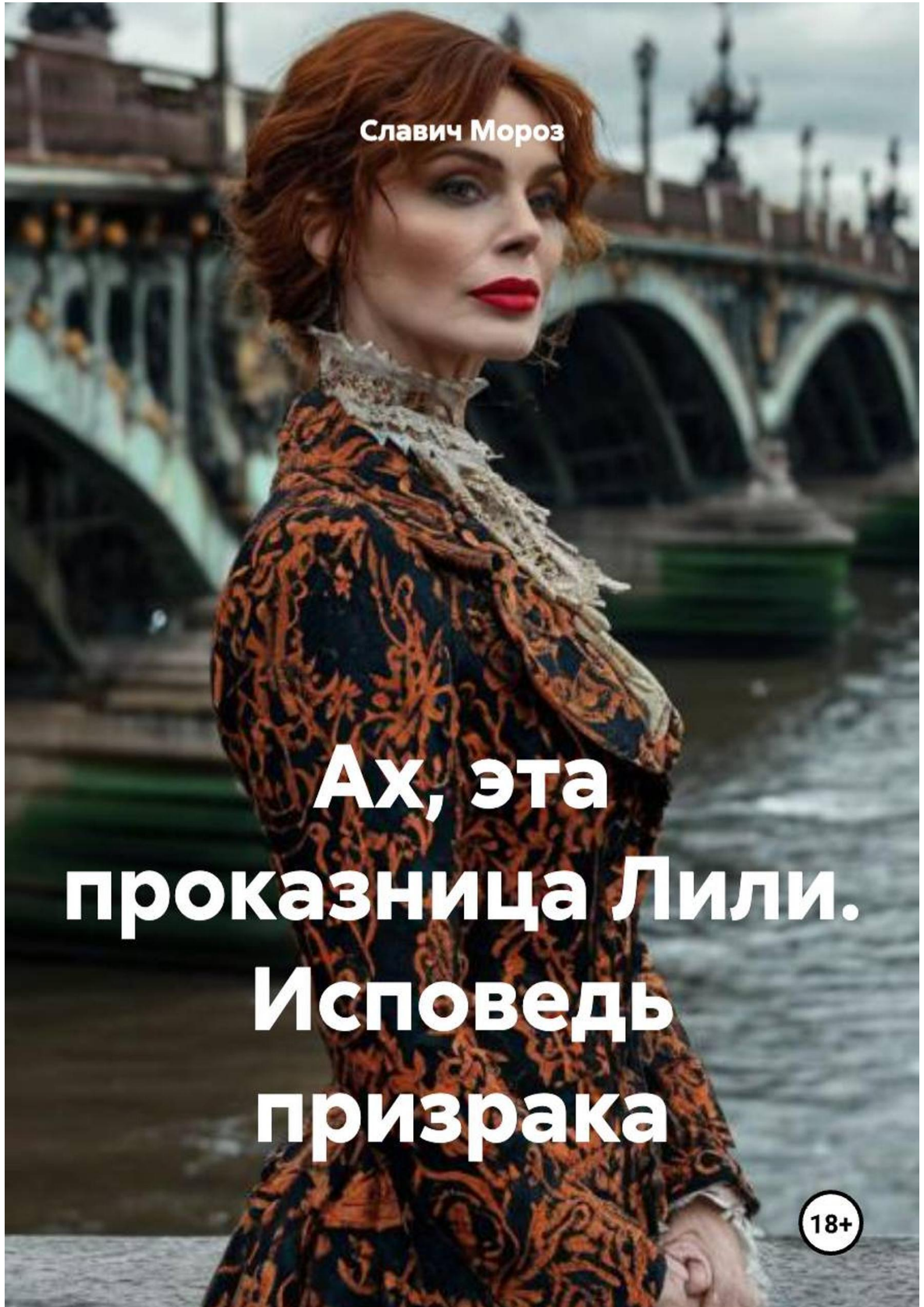

A woman with short, wavy red hair and red lipstick is shown in profile, looking towards the right. She is wearing a dark blue or black dress with an intricate orange and gold floral pattern. The dress has a high, lace-trimmed collar. She is standing on a stone ledge or walkway. In the background, there is a large, ornate bridge with multiple arches and decorative elements, possibly a suspension bridge. The water of a river or canal is visible below the bridge. The sky is overcast and grey.

Славич Мороз

**Ах, эта
проказница Лили.
Исповедь
призрака**

18+

Славич Мороз

**Ах, эта проказница Лили.
Исповедь призрака**

«Автор»

2026

Мороз С.

Ах, эта проказница Лили. Исповедь призрака / С. Мороз —
«Автор», 2026

Лили мечтала о большем. О славе, о власти, о сценах, где она была бы единственной звездой. Но когда её муж оказывается на грани смерти, а привычный мир рушится в одночасье, она сталкивается с выбором, о котором не пишут в глянцевых журналах. Призрак возлюбленной Саввы Морозова, мадам Жужу, наблюдает за ней с Кузнецкого моста и шепчет: «Счастье так близко и так хрупко». Но кто слушает призраков, когда внутри горит огонь тщеславия? «Исповедь призрака» — мистическая драма о цене ошибок, о жертве, о которой не говорят вслух, и о любви, которая сильнее любой сделки с дьяволом. Долгожданное продолжение истории амбициозной и успешной актрисы Лили.

© Мороз С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1: Завершение пьесы и начало спектакля	5
ГЛАВА 2: Диагноз: изношенность	8
ГЛАВА 3: Неудавшееся бегство	11
ГЛАВА 4: Предчувствие	13
Глава 5: Новая нормальность	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Славич Мороз

Ах, эта проказница Лили.

Исповедь призрака

ГЛАВА 1: Завершение пьесы и начало спектакля

Тьма, в которую рухнула Лили, была не пустотой, а густым, бархатным мраком. Она не чувствовала пола, лишь — продолжающееся падение, как в старом лифте с порванным тросом. Где-то вверху, будто из другого измерения, доносились приглушённые звуки: последние аккорды музыки, крики «Браво!», шуршание занавеса.

Сознание вернулось рывком, будто остановившаяся пленка в старом кинопроекторе резко продолжила свой бег, и на белом экране кинотеатра засуетились герои чужой, выдуманной жизни.

Она лежала на твёрдом, пыльном полу за кулисами. Резкий запах — смесь грима, старой краски, мужского пота и ладана от театрального кадила — ударил в ноздри, вернув её в реальность. Над ней склонились лица — размытые, как в плохо сфокусированном объективе. Чьи-то губы шевелились: «...дыши... Лиль, дыши...».

«Я не доиграла свою роль до конца», — прошептал голос, сухой, как шелест шёлка.

Мадам Жужу. Её не было. Была лишь медленно кружащаяся в луче рабочего фонаря пыль.

Лили резко приподнялась на локте. Голова закружилась, но внутри всё закипело — не болью, а яростным, животным отрицанием случившегося. Не сейчас. Не на сцене. Не при нём.

— Всё в порядке, — её собственный голос прозвучал хрипло, но твёрдо, как будто это сказала не она, а кто-то внутри нее. — Просто... душно.

Она оттолкнула протянутую руку коллеги, делавшую движение, чтобы её поддержать. Её жест был не грубым, а властным жестом королевы, отсылающей назойливую фрейлину. Она встала. Ноги дрожали, но выдержали. Она выпрямила спину, откинула голову, смахнула со лба мокрую прядь — и в этот момент её взгляд через щель в кулисах метнулся в зал, в то самое кресло.

Оно было пустым. Словно его никто и не занимал. Лишь на бархате обивки лежал отсвет софита, похожий на золотистый осколок янтаря.

И тогда его смех — не слышимый, а ощущаемый, как вибрация внутри тела, — снова пронзил её. Это был смех удовлетворённого режиссёра, наблюдающего, как актриса, вопреки всему, доигрывает сцену так, как он задумал. Её обморок лишь придал финалу нужный, пронзительный, «случайный» надрыв. Публика, не видевшая хаоса за кулисами, наверняка рыдала, сражённая «гениальной игрой на грани». Ирония ситуации ударила её, как пощёчина.

И от этого удара мир снова накренился. Пол поплыл у неё из-под ног. Звуки — тревожный шепот коллег, нарастающий гул из зрительного зала — слились в один навязчивый гул, похожий на жужжание гигантской мухи. Актёров вызывали на «бис».

Лили сделала шаг, желая уйти, скрыться, раствориться в темноте служебных коридоров. Но второй шаг уже был в пустоту. Тьма на этот раз не была бархатной. Она была липкой, густой и стремительной, как падение в колодезь. Она не успела даже понять, что падает.

За пределами театра Москва жила своей вечерней, нервной жизнью. Огни рекламных билбордов, кричащих о счастье, жадно лизали мокрый асфальт. Поток машин — жёлто-красные реки расплавленного металла — медленно текли по артериям города, выплёскивая в ночь рёв моторов и сигналы нетерпения.

Внутри машины скорой, мчавшейся с мигалкой, но без sireны (случай не криминальный, не сердечный, просто — актрисе стало плохо), царила своя, отстранённая суэта.

Фельдшер, мужчина лет пятидесяти с лицом, выточенным из усталого дерева, поправлял капельницу. «Переутомление, истеричка, — думал он, глядя на бледное, идеальное лицо пациентки. — Боловство. На моем веку людей с раздробленными рёбрами вытаскивали после взрывов, а тут — нервы». Его руки, однако, двигались чётко и бережно — сказывалась привычка.

Врач, молодая женщина с тёмными кругами под глазами, слушала пульс. В её мыслях мелькали свои заботы: отчёт, не выспавшийся ребёнок дома, ипотека. «Давление низкое, пульс нитевидный. Нагрузки, диеты, нервы. Классика. Прокапаем, отпустим домой с рекомендациями». Но что-то в состоянии пациентки — не просто обморок, а какая-то глубокая, запредельная усталость, проступающая даже в бессознательном, — заставляло её быть настороже.

А водитель, лавируя между «дикими, ошетилившимися авто-зверями», ворчал себе под нос: «Все спешат, как на пожар. А куда? Домой к телевизору? К любовнице? Идиоты». Он давил на газ, ловя моменты, его руки на руле были твёрдыми и спокойными. Он вёл свою стальную карету по ночным джунглям, и его равнодушие было лучшей защитой.

В потоке этих будничных мыслей, невидимым током, проскальзывало иное. Врачу вдруг показалось, что она слышит чей-то тихий, бархатный голос, комментирующий её действия: «...да-да, коллега, именно так. Поддержим сосуды. Не дадим ей ускользнуть так просто...». Она вздрогнула и тряхнула головой — острая нехватка сна давала о себе знать.

Фельдшеру на миг привиделось, что тень от оборудования на стене складывается в странную, удлинённую фигуру с тростью. Он моргнул — тень стала обычной.

Это был дух места. Дух зрелища. Он не был заинтересован в банальной гибели. Смерть — это антракт, конец представления. А ему нужна была пьеса. Длинная, мучительная, с взлётами и падениями. Лили была его главной героиней, его измученной, блестящей куклой, и сейчас у неё просто села батарейка. Её нужно было... подзарядить. Перезагрузить. Чтобы игра продолжалась. Его присутствие витало в воздухе, как запах дорогого табака и старого вина, смешанный с озоном после короткого замыкания. Он мог бы погасить эту трепетную, глупую искру надежды в её груди — эту «человеческую душу», как он её с насмешкой называл. Но зачем? Погашенная искра не даёт тепла. А ему нужно было горение. Медленное, разрушительное, эффектное горение.

Марку позвонили, когда он сидел в тишине своей новой, пустой и идеально чистой квартиры. Он смотрел на чёрный экран телевизора, в котором отражался его собственный силуэт — человек, мысленно поставивший точку. Пальцы его левой руки машинально перебирали углы тонкого кожаного блокнота. Блокнота Лили. . . Его страницы были испещрены её красивым, каллиграфическим почерком: заметки к ролям, списки покупок, адреса. На одной из страниц, ближе к концу, его взгляд (он не хотел его туда направлять, но он сам упёрся) наткнулся на фразу, выведенную с особой, игривой аккуратностью:

«Абраша, номер те-а-тет для своих...»

И ниже — телефон, который Марк не узнал. Эта строчка жгла пальцы.

— Алло? — его голос прозвучал глухо.

— Марк? Это Людмила из театра. С Лили случился обморок. На сцене. Скорая забрала, везут в Боткинскую...

Дальше он не слушал. Точка, аккуратно поставленная чернилами поверх строчки «для своих», расплылась, превратилась в кляксу, в хаотичную спираль. Тело отреагировало раньше разума. Он швырнул блокнот на диван, будто обжегся им, и оперативно одев куртку, через минуту уже оказался в своем автомобиле. Все его «точки», «решения», «прощания» оказались бессмысленными перед лицом простых слов: «С Лили случилась беда». Его «Фольксваген», верный и резвый, рванул в ночь. Сначала он на скорости яростно прорезал город, как ножом масло. Потом он резко замер в пробке на Садовом кольце, неподвижной, как болото.

Марк бил ладонью по рулю, его дыхание стало частым и поверхностным. «Не сейчас. Только не сейчас». Он видел её — бледную, беззащитную, в больничных стенах. И видел себя год назад — такого же беспомощного, ждущего её у своей больничной койки.

С отчаянной решимостью он вывернул руль, выехал на обочину и встал, включив «аварийку». Он знал, что машину, скорее всего, увезут на штрафстоянку. Штраф будет большим. Но ему было плевать. Он выскочил из автомобиля и побежал к ближайшей станции метро. Его силуэт мелькал между замершими железными динозаврами. Один из «зверей», резко тронувшись с места, чуть не задел его зеркалом. Марк даже не обернулся. Адреналин гнал его вперёд. А в голове неоновым огнем светилась надпись из блокнота «Абраша, номер те-а-тет для своих».

В метро, в вагоне, пахнущем сыростью и чужими телами, он ловил ртом воздух. На него косились. Он был похож на безумца — растрёпанный, с дикими глазами. В голове стучало одно: «Как же так? Как такое могло произойти? Не смей умереть, пока я не...» Не что? Не сказал всё, что не сказал? Он уже всё сказал. Он поставил точку. Но эта точка теперь горела, как уголь, прожигая страницу.

Приёмное отделение Боткинской больницы встретило его царством мерцающего люминесцентного света, запахом хлорки и тихого, профессионального хаоса. Он, запыхавшийся, подошёл к стойке.

— Лили... Лилианна Сергеева... её привезли из театра, час назад... — слова вылетали прерывисто.

Медсестра за стойкой, женщина с лицом, видевшим всё на свете, подняла на него взгляд без особого интереса.

— Вы кто? Муж?

— Да... то есть... мы... — Марк споткнулся о статус, который сам же и отменил. — Да, муж. Марк Сергеев.

Медсестра что-то набрала на клавиатуре, её взгляд скользнул по экрану.

— Поступила. Врач её осмотрит. Ждите.

«Ждите». Самые страшные слова в мире. Марк отступил к стене, прислонился к холодной плитке. Он сжал кулаки, чтобы они не тряслись. Он был здесь, в логове белых халатов и тишины, которая гудела в ушах громче любого шума. Он отдал свою машину на растерзание эвакуатору, пробежал пол-Москвы, чтобы снова оказаться в этой роли — ждущего, беспомощного, привязанного к чужой боли.

А где-то здесь, за стенами, по телу, которое он знал наизусть, скользили чужие руки — на груди замерли липкие электроды для ЭКГ, на пальце загорелся красный луч пульсоксиметра, а над кроватью монитор неровной линией чертил траекторию жизненных сил пациента. И над всем этим, как перепад давления перед грозой, витал он. Режиссёр этого ночного кошмара. Тот, кому была нужна не смерть, а хорошая история. И Марк, и Лили, со всем их страхом, болью и невысказанным, были всего лишь актёрами в его бесконечном, циничном спектакле под названием «Жизнь, которую можно было бы прожить иначе».

Занавес только что взвился для нового действия. А в зрительном зале, в первом ряду, пустовало лишь одно кресло. Тот, кто купил билет на собственный спектакль, уже наблюдал за происходящим — не снаружи, а изнутри самой ткани событий, наслаждаясь каждой, сыгранной страстно, на разрыв аорты, ролью.

ГЛАВА 2: Диагноз: изношенность

Сознание возвращалось к Лили не спеша, с неохотой, будто ей предстояло вернуться не в жизнь, а на каторгу. Сначала — белый потолок. Безликий, матовый, белый потолок больничной палаты. Потом — тихий писк аппаратуры. Потом — запах. Не театральной пыли и пота, а стерильной, насильственной чистоты, от которой слегка першило в горле.

Она повернула голову. В горле пересохло, тело казалось чужим, тяжёлым, как будто его отлили из свинца. У окна, спиной к ней, стоял Марк. Он смотрел в окно на серое московское утро, его плечи были напряжены, руки засунуты в карманы. Этот знакомый силуэт, в котором читалась и усталость, и упрямство, и какая-то новая, несвойственная ему отрешённость, — вызвал в ней не боль, а странное, щемящее спокойствие. Так видят берег после долгого, штормового плаванья. Ты ещё не сошёл на землю, но уже знаешь, что буря позади.

Она кашлянула.

Марк обернулся. Его лицо было бледным, с тёмными кругами под глазами. В его взгляде не было ни упрёка, ни нежности. Была лишь настороженная внимательность, с какой смотрят на условно-безопасный, но непредсказуемый объект.

— Очнулась, — сказал он просто, без «котёнка», без ласковых слов. Голос хриплый от бессонной ночи.

— Где я? — спросила Лили, и её собственный голос показался ей сиплым и чужим.

— Боткинская. Ты рухнула на сцене. Вчера вечером.

Память возвращалась обрывками: ослепительный свет софитов, пустое кресло в первом ряду, смех, впившийся в висок... и густой мрак.

Дверь открылась, и вошёл врач — немолодой мужчина с усталым, умным лицом и руками, которые выглядели сильными и спокойными одновременно. За ним робко заглянула медсестра.

— Ну, наша звёздочка пришла в себя, — сказал врач без особой интонации, подходя к койке. — Я — кардиолог, Семён Ильич. Давайте познакомимся поближе с вашим организмом, Лилианна Сергеевна. Он у вас, знаете ли, подавал сигналы бедствия довольно громко.

Он взял её историю болезни, которую принесла медсестра, и начал говорить. Говорил ровно, чётко, без сантиментов, как инженер, описывающий неисправность сложного механизма.

— Переутомление. Точнее, — он посмотрел на неё поверх очков, — истощение нервной системы на фоне хронического стресса и физических перегрузок. Сердце... — он ткнул пальцем в кардиограмму, — дало сбой. Не инфаркт, слава богу. Но состояние предынфарктное. Организм поднял белый флаг, Лилианна Сергеевна. Он больше не может. Вы его загнали.

Лили молчала, слушая. Внутри не было страха. Было пустое, холодное удивление. Вот и всё? Банальная поломка. Износ.

— Мне нужно работать, — наконец сказала она, и это прозвучало не как каприз, а как констатация железного закона.

— Работать вам сейчас нужно над одним — над восстановлением, — отрезал врач. — Иначе следующая остановка — реанимация, и уже не с таким оптимистичным прогнозом. Я настоятельно рекомендую полный покой. Минимум на месяц. Никаких стрессов, никаких нагрузок, физических или эмоциональных. Иначе... — он развёл руками, и в этом жесте была вся беспощадная ясность медицины.

Когда врач ушёл, в палате повисла тишина. Марк стоял у окна, не глядя на неё.

— Ты слышала? — Наконец произнёс он.

— Слышала.

— И что будешь делать?

Лили закрыла глаза. Перед её глазами проплывали не лица режиссёров или поклонников, а другие картины.

— Ты знаешь, как попадают в эту «лёгкую жизнь»? — тихо начала она, глядя в потолок. — Сначала — училище. Двести, четыреста человек на место. Ты должен быть не просто талантливым. Ты должен быть ярче солнца, громче грома, пластичнее воды. И при этом — абсолютно пустым сосудом, в который они заливают свою «систему». А потом... потом начинается ад. Ты всегда на виду. Твой промах — не испорченный чертёж, который можно переделывать. Это — аннулированный билет на самолёт, в котором ты уже летишь. На тебя смотрят педагоги, однокурсники, будущие конкуренты. Каждое твоё слово, жест, вздох — всё идёт в дело. В дело построения тебя как продукта.

Она говорила ровно, без пафоса, как бухгалтер, сводящий дебет с кредитом.

— Потом — театр. Если повезёт. Если в тебя кто-то влюбится, разглядит, поверит. А там — та же война. Только масштаб другой. Репетиции утром. Спектакли вечером. Бесконечные прогоны, где тебя разбирают на молекулы. «Ты — бревно! У тебя температура уличного фонаря!» А за спиной — шепоток: «Она спит...», «Ей роль дали, потому что...». И ты должна улыбаться. Всегда. Потому что актриса с кислой миной — это брак. Ты должна быть легка, воздушна, прекрасна. Даже когда внутри — бетонная плита. Даже когда сердце ноет так, что хочется кричать.

Она повернула голову к Марку. Он смотрел на неё, и в его глазах что-то дрогнуло — не жалость, а, возможно, понимание того масштаба давления, о котором он лишь догадывался.

— Я не жалею, — сказала Лили. — Я сама это выбрала. Но иногда... иногда кажется, что я не живу. Я — обслуживаю. Обслуживаю чей-то замысел, чьи-то амбиции, чьё-то желание увидеть шоу. И где-то в этом всём потерялась просто я. Та, которая боится темноты, любит запах дождя и помнит, как мы с тобой ели макароны с томатной пастой на нашей первой кухне. Её больше нет. Осталась только Лили Сергеева. Актриса, которая боится упасть, проиграть, оказаться недостаточно яркой. И которая вчера... наконец упала. Такое впечатление, что я не упала в пустоту, а я и есть пустота...

— Ну, и зачем тебе все это? Зачем? Брось! Нам есть на что жить. Стань просто женой, матерью наших детей. Я готов ради тебя на все. Моя карьера идет в гору...

— А моя? Марк, тебя не интересует моя карьера? Как же моя жизнь? Я не отказываюсь от роли жены... у нас будут и дети... но позже... потом...

Это была не исповедь в грехах. Это был плач души о том, что осталось после того, как все роли сыграны, все маски сброшены, а зал аплодирует призраку.

Марк молчал. Потом подошёл, взял со столика пластиковый стакан с водой, поднёс к её губам. Она сделала глоток. Жажда была нестерпимой. Он не сказал ничего. Что он мог сказать? «Я знаю про Абрашу»? Это было бы мелочно, пошло, не к месту перед лицом такого краха. Его обида и боль оказались вдруг какими-то мелкими, бытовыми рядом с этой экзистенциальной пустотой, которую она обнажила.

— Отдых, — сказал он наконец. — Не как побег. А как... ремонт. Ты же не будешь играть на скрипке с треснутой декой.

В палату вошла Галина Петровна. Она была, как всегда, безупречна — тёмно-синий костюм, аккуратная причёска, лёгкий шлейф «Chanel №5». Но на этот раз в её глазах не было привычной оценивающей строгости. Была тревога. Настоящая, материнская тревога.

— Доченька... — она подошла, неловко присела на край кровати, положила свою ухоженную руку на её одеяло. Её взгляд скользнул по лицу дочери, по аппаратуре, потом перешёл на Марка. — Марк, ты здесь... Спасибо, что приехал.

— Где ж мне ещё быть, — глухо бросил он, и в его тоне не было ни сарказма, ни покорности. Была та же усталая правда, что и в словах Лили.

Галина Петровна кивнула, как будто получила важное подтверждение. Затем повернулась к Лили.

— Всё. Хватит. Я говорила тебе — ты сожжёшь себя. Но ты не слушала. Теперь слушай врача. И нас. Ты едешь отдыхать. Не в Париж и не на море. Поедешь на дачу. К тётке Кате, в Тверскую область. Тишина, лес и никакого интернета. Месяц. Минимум.

Лили хотела возразить, но сил не было. Да и стоит ли протестовать? Её система дала сбой.

— Боже мой, да там же такая тоска!

Она снова посмотрела на Марка, и между ними пробежало нечто вроде молчаливого соглашения. Они, два самых разных человека, которых свела судьба, на этот раз оказались по одну сторону баррикады. Баррикады против её же саморазрушения.

— Ладно, — просто выдохнула Лили, закрывая глаза. — На дачу. В Тверскую область. К тётке Кате.

И в этот момент, в глубине сознания, где таились обрывки кошмара, снова проскользнул знакомый бархатный шёпот, полный ядовитой нежности: «Отличный выбор, душа моя. Тишина... Идеальное место, чтобы услышать голос собственной пустоты. Мы там встретимся. Не скучай...».

Но это был всего лишь шёпот. Возможно, просто шум в ушах от слабости. Она предпочла думать, что это просто шум.

ГЛАВА 3: Неудавшееся бегство

Тишина в деревне под Тверью была плотной и гнетущей. Она давила на барабанные перепонки, заставляя Лили в первые два дня постоянно прислушиваться к несуществующим шорохам. Дом тёти Кати — бревенчатый, почерневший от времени и дымов, — стоял на самом берегу Волги. Зимняя река лежала неподвижным, молочно-белым полотном, прошитым синевой теней от сосен. Воздух пах морозом, дымом из трубы и сладковатой горечью хвои.

Быт был простым и основательным, как эти стены. Чугунная печь, которую топили дважды в день, гудела убаюкивающим басом. Вода - из колонки во дворе — ледяная, звонкая, обжигающая лицо. По утрам тётя Катя, восьмидесятилетняя, но прямая, как свечка, ставила на стол глиняный горшок с гречневой кашей и стакан парного молока. Всё было честно, просто, без обмана. И от этой честности Лили, привыкшей к многослойным играм и подтекстам, становилось не по себе.

Лили, по природе озорная и деятельная, не знала, куда себя деть. Она пыталась читать — мысли разбегались. Сидела у окна и смотрела на реку. И вот тут начиналось странное. Сначала ей казалось, что лёд неподвижен. Но если смотреть долго, вглядываясь, то начинало мерещиться движение. Вот треснула где-то вдали тонкая ниточка. Вот огромная льдина, будто вздохнув, чуть осела. Солнце, скользя по белой поверхности, создавало иллюзию течения, уносящего время. Её время.

Оно убегало. Оно текло, как эта воображаемая вода подо льдом, — неумолимо, бесшумно, унося с собой её карьеру, её молодость, её шансы. Февраль за окном начинал метаться: сегодня — ослепительное солнце, от которого слезились глаза, завтра — метель, завывающая в печной трубе так, будто сама природа репетировала трагедию. А ей чудилось, что лёд вот-вот грохнется, расколется, и из-под него хлынет бурный, тёплый, летний поток. Она почти слышала раскаты грома и чувствовала запах озона. Это был обман восприятия, сбой психики, изголодавшейся по сильным ощущениям.

Её тело, натренированное в залах и на сцене, просило нагрузки. Она выходила на лыжах, укатывая узкую трассу к реке. Мороз щипал щёки, лёгкие горели. Но внутри не было радости, лишь навязчивый вопрос: «Зачем? Кто это видит?» Она привыкла, чтобы каждое её движение, каждый вздох имел зрителя, оценку, смысл. Здесь смысл был только один — выжить, не сойти с ума. И он казался нищенским, лишенным объема и размаха.

По вечерам, когда тётя Катя дремала в кресле возле старинной радиолы, Лили включала свой телефон. Мир, от которого она сбежала, настигал её в квадратике экрана. Новости театра, анонсы (чужих!) премьер, сторис подруг из тёплых стран. Её пальцы сами собой тянулись к ленте соцсетей, как к сигарете. Оторваться не получалось. Тишина вокруг лишь сильнее оттеняла гулкий шум виртуальной жизни, из которой её вычеркнули. Страх отстать, выпасть из обоймы, оказаться забытой — был сильнее страха инфаркта.

На десятый день, глядя, как за окном метель заметает её лыжню, словно стирая сам факт её присутствия здесь, Лили приняла решение. Оно созрело внезапно, с той же ясностью, с какой она когда-то понимала, как сыграть сложную сцену.

— Тётя Катя, мне нужно в Москву, — сказала она за завтраком.

Старушка посмотрела на неё умными, понимающими глазами.

— Сердце-то успокоилось? Смотри, дочка, не навреди себе.

— Успокоилось, — солгала Лили. Оно не успокоилось. Оно просто забилось в новом, тревожном ритме — ритме возвращения в бой, любой ценой.

Мать, узнав, устроила сцену по телефону: «Ты с ума сошла! Врач говорил месяц! » Но Лили была непреклонна. Она чувствовала, что если останется здесь ещё на неделю, то эта

здоровая, простая тишина поглотит её без остатка, и той Лили, которую она годами строила, просто не останется.

Лили уезжала на рассвете. Из окна такси оглянулась на почерневший дом, дымок из трубы и бесконечное, белое, равнодушное поле реки. Лёд ещё не тронулся. Но внутри неё что-то уже сломалось и пошло трещинами. Она возвращалась не отдохнувшей. Она возвращалась не долеченной. И мир, в который она ехала, уже готовился встретить её не аплодисментами, а иным, куда более жёстким карантином.

ГЛАВА 4: Предчувствие

Лили вышла из такси у театрального подъезда через шесть часов после того, как покинула бревенчатый дом на берегу Волги. Разница была сногшибательной: не застывшая белизна и тишина, а серый, пропитанный выхлопными газами воздух, грохот машин и вечное, нервное движение толпы. Москва встретила её не как мать, а как равнодушная мачеха, у которой своих забот выше крыши.

В театре её появление вызвало лёгкий шок. Коллеги в гримёрках и коридорах замирали, увидев её, и на их лицах проступало не дежурное любопытство, а искренняя, почти испуганная забота.

— Лиль! Ты чего?! — Ахнула гримёрша Тома, бросаясь к ней. — Тебя же в больницу увозили! Говорили, сердце!

— Всё в порядке, Томочка, — Лили заставила себя улыбнуться. — Просто переутомилась. Отдохнула.

— Отдохнула? За неделю? — Седовласый дядя Миша, больше похожий на звезду Голливуда, чем на сценического работника, проходя мимо с картонным щитом, покачал головой. — Молодость, она, конечно, сила. Но сердце, деточка, не железное. Его жалеть надо.

И в этих словах, в этих взглядах не было фальши. Была грубая, простая человеческая солидарность цеха, который знает цену падению и страх перед ним. В театре умели грызться и завидовать, но перед лицом настоящей беды — профессиональной или, как выяснилось, общей — фальшь отступала. Это открытие поразило Лили. Она привыкла видеть здесь поле битвы. А оказалось, это ещё и окоп, в котором могут подать руку.

Но едва она начала отогреваться у этого неожиданного тепла, как заметила — в воздухе витает что-то ещё. Не та тихая тревога за неё, а что-то более масштабное, разлитое повсюду.

В буфете, за чаем, разговоры шли не о новых ролях или провальных рецензиях.

— ...а в Италии, слышала, уже города на карантин закрывают...

— ...мой сосед, он логист, говорит, границы вот-вот захлопнут, товары не идут...

— ...в «Ашане» вчера гречку сметали как сумасшедшие, я сама видела...

Голоса звучали приглушённо, с оглядкой. Актриса второго плана, вечно весёлая Оля, нервно теребила в руках телефон, на экране которого мелькали графики с цифрами из каких-то странных, незнакомых стран. Директор постановочной части, обычно невозмутимый, прошёл по коридору с таким озабоченным лицом, будто нёс не папку с бумагами, а снаряд с тикающим механизмом.

Тревога была пока что безликой. У неё не было имени, только смутные очертания где-то там, за пределами толстых театральных стен. Но она уже меняла химию воздуха. Смех в курилке звучал резко и обрывался на полуслове. Взгляды, бросаемые на экраны телефонов, стали чаще и тревожнее. Почва привычного мира, на котором стоял театр со своими склоками и страстями, начинала едва заметно колебаться. И Лили, только что сбежавшая от давящей тишины, вдруг ощутила, как под ногами у неё начинает плыть уже не лёд Тверской Волги, а нечто куда более опасное — уверенность в завтрашнем дне.

Именно в этот момент, когда она стояла в пустом, тёмном зале, глядя на пустую сцену, освещённую только дежурным светом, её настигло ощущение. Не голос. Не образ. Ощущение присутствия. Оно висело в бархатной темноте балконов, пряталось в складках тяжёлого занавеса, растворялось в запахе старого дерева и пыли. Это была атмосфера. Атмосфера зрелища, которое готовилось в мировом масштабе.

Она вдруг с абсолютной, леденящей ясностью поняла: демоны не вызывают катастрофы. Они их... курируют. Они сеют зёрна сомнения, поливают их страхом, подогревают паникой и наблюдают, как человечество, с его неуёмным талантом к саморазрушению, возвращает из этих

зёрен адский урожай. Им не нужен апокалипсис с огнём и серой. Им нужен тихий, методичный, всепроникающий ужас. Ужас перед невидимым. Ужас перед соседом. Ужас перед завтрашним днём.

«Браво, дорогая, — прошептал знакомый, бархатный голос где-то в самом центре её сознания, не нарушая тишины зала. — Ты начинаешь видеть декорации. Скоро поймёшь и пьесу. А какая будет игра... Я сгораю от нетерпения».

Лили резко обернулась. В ложе бельэтажа, в глубокой тени, на мгновение мелькнул ответ — будто от полированной поверхности трости или от стекла пенсне. Потом не стало ничего. Только пыль, кружащаяся в луче света со сцены.

Она вышла на улицу, набирая в лёгкие холодный, отравленный воздух Москвы. Её рука сама потянулась к телефону. Она набрала номер Марка, потом сбросила. Что она скажет? «Мне страшно»? Он спросит: «Почему ты вернулась?».

Она пошла не домой, а в ближайший супермаркет. И там, среди ярких витрин, её ждало окончательное подтверждение. Полки, обычно ломившиеся от изобилия, зияли чёткими провалами. Нет гречки. Нет тушёнки. Нет туалетной бумаги. Люди толпились у прилавков, их лица были напряжёнными, глаза бегали, руки хватали что попало. В воздухе висел тот самый запах — сладковатый, металлический. Запах страха. Он был почти осязаем.

Лили стояла с пустой корзиной, наблюдая за этим абсурдным балетом паники. И понимала, что сцена для «Новой нормальности» уже готова. Декорации расставлены. Актёры входят в образ. А режиссёр... режиссёр наблюдает из своей тёмной ложи, потирая руки в красных перчатках. Игра началась. И выйти из неё уже нельзя.

Она нервно выбросила корзину и пошла к выходу. На фоне гулкого голоса диктора, объявлявшего об акции на консервы, ей снова почудился смешок — тихий, довольный, розовый...

Глава 5: Новая нормальность

А потом мир треснул. Не громогласно, как в плохом блокбастере, а тихо, будто кто-то щёлкнул выключателем в соседней комнате. Аркадио, пристроившийся на карнизе между реальностью и сном, довольно потирал ладони — первый акт его нового спектакля начинался именно с этого щелчка. И свет — тот самый, яркий, уверенный свет повседневной жизни — погас. Его заменило мерцающее, тревожное свечение цифровых дисплеев — тех, что показывают температуру, сатурацию, пульс, и тех, что превращают человеческие лица в пиксели на экранах видеоконференций.

Март 2020-го вошёл в историю не только как месяц встречи с призраком мадам Жужу, но и как начало всемирного помешательства. Слово «ковид» стало магическим заклинанием, запирающим границы. Паника витала в воздухе. Она овладела миром. Где-то там, за гранью видимого, демон Аркадио делал глубокий вдох! О, как же восхитителен этот коктейль из ужаса и тоски с металлическим привкусом антисептика.

В жизнь Лили и Марка «новая реальность» привнесла свои коррективы. Театр, её храм, её отдушина, захлопнулся наглухо. Репетиции «Федры» переместились в зумирующие квадратики, где актёры в пижамах, трениках и без грима пытались изображать античные страсти, пока у них за спиной лазили по шторам коты или супруг кричал: «Лили, где макароны?!» Это было жалко, нелепо и убивало душу профессии наповал. Дирекция в панике металась между онлайн-трансляциями классики за триста рублей и идеей поставить спектакль «Вирус любви» силами актёров, снимающих себя на айфоны в ваннах. Воздух творчества выветрился, остался лишь затхлый дух безнадёги и растерянности.

«Ламин», фирма Марка, поначалу замерла в параличе. Кому нужен дизайн офисов, если все сидят по домам? Кому нужна мебель для апартаментов, когда в приоритете таблетки, БАДы, имбирь, гречка и туалетная бумага? Марк смотрел на пустые цеха, на испуганные лица менеджеров и понимал: надо или тонуть, или изобретать велосипед из того, что есть. И они изобрели. Они перепрофилировались с космической скоростью. Их цеха, ещё вчера штамповавшие элегантные стеллажи для библиотек креативных агентств, начали производить функциональные, простые перегородки, койки, тумбы для реанимаций. Они стали «обустраивать» временные госпитали в спортзалах, выставочных павильонах, огромных ангарах на окраинах. Это была не эстетика, а жестокая функциональность. Марк, с его тонким художественным вкусом, теперь с чертежами в руках обсуждал с прорабами вопросы подвода кислорода и удобства для медперсонала. Деньги пошли. Даже очень неплохие. Но пахли они не успехом, а хлоркой и отчаянием. Он возвращался домой поздно, сдирая с лица маску, смертельно уставший, с пустыми глазами, отмывая руки и лицо до красноты, будто пытаясь смыть с себя не только вирус, но и весь этот сюрреалистичный ужас.

Улицы Москвы опустели и стали походить на декорации к постапокалиптическому триллеру, но очень низкобюджетному. Патрули, вооружённые бумажками с грозными указами, ловили редких прохожих, как браконьеры зайцев. Бегун в спортивном костюме, рискнувший вырваться на пробежку от дома до угла, мог запросто получить штраф, сравнимый с его месячной зарплатой.

Лили, привыкшая к свободе и активности, задыхалась в четырёх стенах. Их квартира, ещё недавно казавшаяся уютным гнёздышком, превратилась в клетку. Она ловила себя на том, что раздражённо смотрит на Марка, мирно работающего за ноутбуком на кухне. Его спокойствие, его способность находить в этом хаосе точку опоры начали её бесить. Аркадио, затаившийся в тени её ревности, почувствовал кисловатый привкус первой трещинки в обветренной коже любви. «Так-так», — прошептал он, включая диктофон в голову. Лили казалось, что Марк

трусливо смирился с навязанными правилами игры. А она — нет. Она рвалась на волю, к сцене, к вниманию, к жизни. Но мир выдавал ей только суррогат.

И вот вирус добрался и до них. Несмотря на маски, напоминающие намордники, несмотря на литры санитайзера и паническое шараханье от чихнувшего соседа по лифту, Марк заболел. Не «чем-то похожим», а по-настоящему. Температура под сорок, которая не сбивалась. Кашель, от которого, казалось, ломаются рёбра. Слабость такая, что он без посторонней помощи не мог дойти до туалета, и Лили, сжав зубы от страха, вела его, чувствуя, как горит его кожа сквозь ткань пижамы. Её паника была тихой и леденящей. Она звонила в «скорую» раз за разом, слушая бесконечные гудки или ледяной голос автоответчика. Когда, наконец, приехали люди в синих противочумных костюмах, у неё сжалось сердце.

«Больной тяжёлый, забираем», — сказали безлико. Марка, завернув в одеяло, увели. Его последний взгляд — мутный, испуганный — пронзил её, как нож.

Марк попал в тот самый ангар — гигантское, наспех сколоченное помещение, обитель страха и боли. Лили дозванивалась до него раз в день, если повезёт. Его голос в трубке был сиплым, далёким. Он говорил что-то про кислородные маски, которые жгут нутро, про капельницы, про то, что ночью у соседа по палате стало плохо с сердцем и его увезли... и не вернули. В её голове звучал голос матери, звонившей каждый день: «Дочь, смотри, сама не заразись. Это опасно. Держи дистанцию. Надевай две маски». А однажды, сорвавшись, мама прошипела:

— Может, тебе к нам переехать? Пока он там, тебе бы лучше с ним не видеться...

— Что ты, мама! — крикнула в ответ Лили. — Это же мой муж! Я не могу его бросить!

— Да-да, прости, ты права! Я совсем обезумела от страха и всех этих жутких новостей по телевизору и в интернете.

И она не бросила Марка. Лили, получив QR-код, носила передачи в огромный чёрный ящик у входа в «красную зону», писала ему смешные и нелепые смс, чтобы подбодрить, тщательно дезинфицировала квартиру и себя после «выходов в свет», хотя её собственный страх был страшнее любой инфекции. В эти недели из неё ушла капризная, жаждущая развлечений актриса. Осталась просто женщина, которая борется за своего человека. И когда Марка, исхудавшего, с трясущимися руками, но живого, наконец, выписали, она плакала, обняв его на пороге, не стесняясь слёз. Он выжил чудом, после коктейля из антибиотиков, гормонов и экспериментальных схем... «Главное — жив», — шептала она, впитывая запах больницы, который ещё долго будет преследовать её в кошмарах.

Казалось, после такой встряски, после края пропасти, всё должно измениться. Марк медленно восстанавливался, а Лили с облегчением вернулась в театр. Но театр был уже не тот. Зрительный зал, в котором места продавали «через одно», напоминал не храм, а поле битвы после сражения — пустое и вымершее. Репетировали в масках, держа дистанцию в полтора метра, что для профессии, построенной на дыхании партнёра, на тактильном контакте, было форменным издевательством. Смех в курилке звучал нервно и быстро обрывался. Всё было пропитано неуверенностью в завтрашнем дне.

Именно в этот момент подруга Лили, Мари, бывшая однокурсница Марка, а ныне успешный коуч «новой формации» и гуру женской самореализации, позвала их на свой день рождения. Марк, ещё слабый, отказался: «Котёнок, я лучше дома полежу. Сходи, развейся». И Мари, изменив тембр голоса, промяукала по-кошачьи в трубку на прощание мантру новой эпохи: «Нельзя растворяться в мужчине, даже в таком золотом, как твой. У тебя должны быть свои границы. Своя жизнь. Живи и радуйся, пока молодая! Ты же столько месяцев была сиделкой! В общем, я тебя жду. Погуляем от души».

И Лили, с лёгким налётом обиды на Марка («золотой», но почему-то не способный быть сейчас рядом) и со щемящим желанием наконец-то **ВЫРВАТЬСЯ**, пошла. Одна. Аркадио, сидя у неё на плече, захихикал. «Вот это поворот! — прошептал он ей прямо в висок. — Иди, иди, дорогая. Твой режиссёр одобряет». Лили только поёжилась от сквозняка.

Вечеринка была в модном караоке-клубе, где якобы соблюдали все «противоэпидемические меры» — на входе меряли температуру бесконтактным пистолетом, а потом толкались в душном зале, крича песни под фонограмму в один микрофон. Воздух был густ от алкогольных паров, духов, пота и всеобщей истеричной жажды забыться. И там был Он. Ведущий вечера, диджей, певец — красавец с хищной улыбкой, который буквально срывал взглядом с женщин одежду. И хоть у него был приятный тембр, исполнял песни он нарочито небрежным голосом, смотрел прямо на Лили и пел, казалось, только для неё.

Под воздействием коктейлей, которые она пила жадно, будто навёрстывая упущенное за год трезвости, защитная стена морали окончательно рухнула. Она флиртowała откровенно, вызывая, наслаждаясь властью своего внезапно проснувшегося обаяния. Он подошёл, заговорил, остроумно шутил. Его смех был громким и заразительным. В нём было то, чего так ей не хватало в последнее время, — беззаботность, энергия, загадочность.

«Пойдём, покажу, где тут у нас артисты отдыхают», — сказал он, и его рука, горячая, крепкая и влажная, легла на её поясницу.

Она позволила увести себя в маленькую, пропахшую табаком, тональным кремом и дезодорантом гримёрку. На потёртом кожаном диванчике, под смешной лампочкой в виде звезды, всё и случилось. Быстро, жадно, не очень комфортно. В её голове, поверх гула алкоголя и азарта, проносились обрывки мыслей: «Я так долго сидела взаперти! Чуть с ума не сошла! Как вовремя Марк заболел, иначе б я его сама прибила от этого однообразия!»

Гормоны выигрывали сражение за разум с разгромным счётом. Угрызения совести тонули в волнах дофамина, такого острого, такого запретного после месяцев «новой нормальности».

Она вернулась домой под утро, с тёмными кругами под глазами, с тошнотворным послевкусием виски и стыда. В прихожей пахло лекарствами и тишиной. Марк спал в спальне, его дыхание было ещё немного хриплым, нездоровым. Лили остановилась в дверном проёме и смотрела на его бледное, исхудавшее за болезнь лицо. И вместо нежности её вдруг окатило волной раздражения.

«Я молодая и красивая, — думала она, раздеваясь и швыряя платье в угол на кресло. — Мне нужно внимание. Мне нужен адреналин. А он... Он такой слабак. Всё никак не может окончательно выздороветь. Весь в своих чертежах и таблетках. Эх...»

Она легла на край кровати, отвернувшись от спящего мужа. За окном занимался холодный, безрадостный рассвет «новой нормальности», в которой правила игры изменились бесповоротно. И Лили, обнаружив в себе пустоту, ещё более чёрную, чем та, что была до вечеринки, поняла лишь одно: назад, в тот уютный мир до пятницы, тринадцатого марта 20-го года, пути уже нет. Аркадио, стоя за её спиной, медленно аплодировал — беззвучно, церемонно, как режиссёр аплодирует актерам после удачно отрепетированной сцены. «Браво, Лили, — прошептал он. — Ты только что сыграла свою лучшую роль. А я сыт. Пойду, посплю. А впрочем, демоны не спят. Увы. Никогда!».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.